Максимович Желко

АСТРО, ПУСТОЙ ДОМ

История о наблюдении, поиске своего пути и жизни в согласии с собственной природой.

Желько Максимович
Астро, Пустой Дом

https://litres.ru/74045649
SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказывает историю Алексея — человека, чья жизнь формируется через слова и наблюдение. С детства он ощущает мир иначе: вещи и события для него важны прежде всего как объекты знания и понимания, а не как средства накопления богатства. Его путь проходит через детство в Ленинграде, студенчество и первые шаги в профессии журналиста, где он учится быть свидетелем реальности, фиксировать её точность и детали.

Через призму астрологии автор исследует внутренние мотивы героя: пустой второй дом в натальной карте Алексея символизирует отсутствие врожденной фиксации на деньгах, а Меркурий в десятом доме указывает на профессиональное самоопределение через слово и информацию. В романе тонко переплетаются личная история, семейные отношения и философские размышления о ценностях, ответственности и призвании.

Это произведение о наблюдении, внимании к деталям, поиске своего пути и о том, как человек может жить в согласии с

собственной природой, не подчиняясь внешним стандартам и ожиданиям общества

Желько Максимович
Астро, Пустой Дом

Глава 1. Карта без денег

15 апреля 2019, 14:23, Москва. Солнце в 25° Овна, Луна в Деве. Меркурий директный в 9 градус Овна.

Лестница пахла кошками и старым деревом, ступени поскрипывали под ногами так же, как, наверное, поскрипывали и тридцать лет назад, когда в этой квартире жили совсем другие люди. Алексей поднимался на третий этаж, придерживая рукой перила — шершавые, давно не крашенные, — и думал о том, зачем, собственно, пришёл. Коллега Наташа дала адрес с такой убеждённостью, будто речь шла о враче, который наконец-то поставит правильный диагноз. Ты просто сходи, — говорила она, придвинувшись ближе. — Она всё скажет. Мне точно сказала — про мужа, про работу, всё совпало до дня. Алексей тогда кивнул, взял бумажку с адресом и сунул её в карман, уверенный, что выбросит. Но не выбросил. И вот стоял перед дверью с медной табличкой Вера Николаевна Кустова. Астрология. По записи.

Он позвонил. Ждал. Достал телефон и перечитал послед-

нее сообщение от Марины. - Ты снова взял из общего? Деньги на курсы сына, которые Алексей заплатил в понедельник, взяв из той заначки, которую Марина годами откладывала на чёрный день. Он хотел написать что-то объяснительное, но так и не написал ничего. Дверь открылась.

Вера Николаевна оказалась женщиной лет пятидесяти пяти, невысокой, с короткими крашеными волосами цвета каштана, в длинной юбке и домашних туфлях на небольшом каблуке. Взгляд у неё был внимательный, профессиональный — такой бывает у хороших врачей, когда смотрят на пациента в первые секунды приёма, ещё до слов, уже составляя картину.

— Алексей? — спросила она.

— Да.

— Проходите.

Кабинет был небольшой, плотно обставленный. Вдоль стен — стеллажи с книгами, корешки разных цветов и толщин, астрологические атласы, психологические справочники, тонкие брошюры явно самиздатовского происхождения. На рабочем столе — монитор, рядом с ним несколько листов, распечатанных мелким шрифтом, карандаш. Окно выходи-

ло во двор; апрельское солнце падало через него широкой полосой, разрезая комнату по диагонали. В полосе плавала пыль — неторопливо, почти торжественно.

Алексей сел на предложенный стул. Стул был обычным, с деревянными подлокотниками, и он подумал, что в таком кабинете почему-то ожидаешь увидеть хрустальный шар, а не принтер и стакан с остывшим чаем.

— Вы данные мне прислали заранее, — сказала Вера Николаевна, не глядя на него, вводя что-то в компьютер. — Восьмое сентября семьдесят девятого, Ленинград, шесть пятнадцать утра. Верно?

— Верно.

— Хорошо. — Она нажала что-то, принтер тихо зашелестел и выдал лист. — Сейчас.

Пока она изучала распечатку, Алексей рассматривал корешки книг. Много было на русском, но попадались и английские, и немецкие. Один том был особенно толстым, обложка в пятнах Сефариал. Астрология для практиков. Рядом стояло что-то про архетипы Юнга. Странное соседство, подумал он. Хотя, может, и нет.

— Вот, — сказала Вера Николаевна и развернула к нему карту.

Это был круг. Большой, напечатанный чётко, разделённый на двенадцать секторов, каждый из которых был исчерчен линиями и наполнен значками — кружочки с символами, которых Алексей не знал, стрелки, числа. Всё вместе напоминало схему какого-то сложного механизма, чертёж устройства, принцип действия которого понятен только специалисту. Он смотрел на это и испытывал смесь скептицизма и любопытства — того любопытства, с которым смотришь на старинный прибор в музее, не зная, работал ли он когда-нибудь.

— Видите этот сектор? — Вера Николаевна постучала накрашенным ногтем по одному из двенадцати треугольников, расположенному между двумя другими. — Второй дом. Смотрите — там совершенно ничего нет. Ни одной планеты.

Алексей наклонился ближе. В других секторах действительно теснились кружки с символами — там их было три, там два, где-то пять сразу в одном секторе. А этот зиял пустотой.

— И что это значит?

Вера Николаевна откинулась немного на спинку кресла.

— Второй дом — это деньги. Материальные ресурсы, самооценка через обладание. То, что мы считаем ценным, чему приписываем цену. У вас там пусто. Это называется незанятый дом.

— Пусто — это плохо?

— Это нейтрально, — сказала она. — Это означает, что данная тема не является для вас ведущей. Там, где у человека стоит планета, — там есть напряжение, требование, урок, необходимость что-то проработать. Там, где пусто, — там нет фиксации. Понимаете разницу?

Алексей не был уверен, что понимает, но кивнул.

— Человек с Сатурном во втором доме, — продолжила она, — будет всю жизнь думать о деньгах. Либо их зарабатывать с огромным трудом и болью, либо копить с параноидальной тщательностью, либо бояться потерять — но так или иначе денежная тема будет занимать его сознание постоянно, создавать давление. Планета в доме — это как кость в горле, не смертельно, но не забываешь. А у вас в этом секторе — тишина.

— Значит, мне просто всё равно?

— Значит, у вас нет встроенного инстинкта накопления, — поправила она. — Деньги для вас — как воздух. Пока они есть, вы их не замечаете.

Алексей вспомнил позавчерашний вечер, они сидели у Романа, пили вино, разговор переходил с одного на другое, и в какой-то момент все начали обсуждать криптовалюту — биткоин, какой-то новый токен, чьи-то феноменальные прибыли. Он сидел и смотрел в телефон, листал ленту без цели, думал о статье, которую ему нужно было дописать. Рома спросил, Лёш, ты во что-нибудь вкладываешь? Он ответил, Нет. Почему? — удивился Рома. Алексей пожал плечами. Просто нет.

— Но это же плохо, — сказал он, имея в виду не только тишину в карте, но и то конкретное сообщение от Марины, которое всё ещё светилось в кармане.

— Почему? — спросила астролог с искренним интересом.

— Потому что деньги нужны. Потому что семья, дети, пенсия в конце концов. Жена мне уже...

Он замолчал. Это было лишним.

— Вы безответственный? — повторила она его несказанную мысль.

— Я не знаю.

Вера Николаевна посмотрела на него — именно тем взглядом, который он заметил с самого начала, изучающим и при этом без осуждения.

— Безответственность — это когда человек осознаёт необходимость действия и сознательно уклоняется от него. А вы, судя по карте, просто не слышите этого запроса. Это другое. Это не порок, это устройство. Понимаете?

— Нет, — честно сказал он.

Она улыбнулась. Встала, подошла к полке, достала тонкую книгу в мягкой обложке, полистала её.

— Хорошо. Давайте иначе. — Она вернулась, снова взяла карту. — Смотрите, второй дом пустой, но у каждого дома есть управитель — планета, которая им отвечает. За второй дом с Тельцом на куспиде отвечает Венера. Но у вас на куспиде — Телец, а значит, управитель — Меркурий.

— Почему Меркурий? Телец — это Венера.

— Вы уже знаете что-то? — слегка удивилась она.

— Читал что-то по дороге, — признался он. На самом деле он прочитал статью в телефоне прямо в метро, пока ехал сюда.

— Хорошо. Смотрите. — Вера Николаевна провела пальцем по карте. — Телец — знак на куспиде второго дома. Да, Телец управляется Венерой в классической системе. Но в вашей карте куспид второго дома на границе Тельца и Близнецов, и у вас Меркурий — хозяин третьего дома — стоит в десятом доме, доме карьеры, публичного статуса, профессии. И стоит он рядом с Солнцем.

Она постучала по точке в верхней части круга.

— Вот он. Меркурий в десятом доме, соединение с Солнцем. Это значит, ваша карьера построена на слове, на информации, на передаче смыслов. Меркурий — это журналистика, редакция, лекции, переговоры, тексты. Именно здесь ваша сила. Именно через это приходит доход. Управитель второго дома в десятом — это почти буквально, деньги через карьеру. Вы будете зарабатывать ровно столько, сколько нужно для жизни, когда занимаетесь тем, что вам интересно.

Алексей смотрел на Меркурий в десятом доме — маленький символ, похожий на знак планеты из учебника по физике. Что-то в этом было смешное и одновременно точное. Он вспомнил, как в юности мать спрашивала, Лёша, ты будешь зарабатывать своими текстами? — и он отвечал, Буду. Она вздыхала. А он зарабатывал. Немного. Но зарабатывал.

— А копить? — спросил он.

— Вот тут — нет, — сказала Вера Николаевна просто. — Это не ваша природа. Копить, инвестировать, считать, вести бюджет — это требует активного внимания к теме денег как самостоятельной ценности. А у вас её нет. Вы не копите не потому, что безответственны. Вы не копите, потому что в этом направлении у вас отсутствует внутренний мотив.

Молчание. Снаружи кто-то во дворе кричал ребёнку, Маша, домой! Пыль продолжала плыть в солнечной полосе.

— Но людям это не нравится, — сказал он наконец.

— Нет, — согласилась она. — Не нравится. Потому что мы живём в культуре, где второй дом — это добродетель. Хорошо откладывать, хорошо иметь запас, хорошо думать о завтрашнем дне. Человек без планет во втором доме произ-

водит впечатление легкомысленного. Хотя на самом деле он просто направлен в другую сторону.

— В какую?

Она снова взяла карту, на этот раз подождала немного, прежде чем ответить.

— Смотрите на ваш одиннадцатый дом. Видите, там Сатурн? Одиннадцатый — это общественные связи, цели, то, что мы делаем для других, для большего, чем мы сами. Ваш Сатурн здесь говорит, ответственность для вас — это ответственность перед идеями, перед людьми, перед тем, что вы считаете правдой. Не перед счётом в банке. Это другая ответственность. Не меньше. Просто другая.

Алексей думал о Марине. О том, как она три года назад молча открыла таблицу в экселе и показала ему расчёты, вот пенсия, вот ипотека, вот образование детей, вот то, чего не хватает. Цифры были аккуратные, чёрные на белом. Он смотрел и понимал, что она права — математически, безусловно права. И не понимал, почему это не переходит в действие. Не ощущается как срочное, не жжёт, не давит.

— Моя жена считает, что я плохой муж, — сказал он.

— Это другой вопрос, — ответила Вера Николаевна без тени осуждения. — Это вопрос об отношениях, а не о второй карте.

— Они связаны.

— Часто связаны. — Она сложила руки на столе. — Но посмотрите у вас нет патологии. Есть устройство. Человек с пустым вторым домом может научиться обращаться с деньгами — ему просто нужно выстраивать внешние структуры там, где внутреннего побуждения нет. Как очки для тех, у кого слабое зрение. Это не хуже хорошего зрения, это просто другое условие жизни.

Алексей усмехнулся — невольно.

— Вы первый человек, который говорит мне об этом без осуждения.

— У меня нет причин осуждать, — сказала она. — Я просто читаю карту. Карта не хвалит и не ругает. Она описывает.

За окном снова крикнули, Маша! Кому говорю! Потом смолкли. Пыль в луче солнца никуда не делась.

Вера Николаевна потянулась к карте ещё раз.

— Меркурий стоит в десятом доме в соединении с Солнцем. Это солидная позиция. Она говорит ваша работа — это не просто работа, это самовыражение. Вы реализуете себя через профессию. Меркурий в Деве — точный ум, внимание к деталям, склонность к анализу. В десятом доме — публичность этих качеств. Люди видят вас как умного, точного человека, умеющего работать с информацией.

— Журналист, — сказал Алексей.

— Или редактор. Или преподаватель. Или писатель. Меркурий в десятом — это разные варианты.

— Журналист, — повторил он. — Уже двадцать лет.

— Вот. И вы, наверное, хороший?

Он помолчал.

— Мне так говорят.

— Потому что Меркурий в соединении с Солнцем в десятом — это человек, для которого слово и мысль сплавлены с идентичностью. Вы не просто занимаетесь журналистикой. Вы — журналист. Это разница.

Что-то в этом было верным. Он помнил, как однажды, во время очередного кризиса, когда Марина снова предлагала ему рассмотреть более стабильную работу — корпоративную, какую-нибудь PR-службу за приличные деньги — он прошёл два собеседования, получил предложение, пришёл домой и просто не смог написать согласие. Сидел перед экраном час, потом закрыл компьютер. Не смог. Не потому, что денег было достаточно — денег как раз не было. А потому что что-то внутри остановило, как стена. Марина тогда не разговаривала с ним три дня.

— Есть транзиты, которые будут активировать ваш второй дом в ближайшие годы, — сказала Вера Николаевна. — Уран вошёл в Телец — это уже началось, с 2018 года. Он будет там до 2026-го. Уран приносит неожиданные изменения. Для вашего второго дома это значит возможные нестандартные источники дохода, которые вы не планировали. Новые форматы работы, новые каналы. Что-то придёт оттуда, откуда не ждёте.

Алексей вспомнил статью, которую ему предложили написать для нового интернет-издания два месяца назад. Он тогда взялся без энтузиазма — казалось, странная площадка, непонятный формат. Но гонорар заплатили быстро и без лишних вопросов, попросили ещё. Сейчас это уже был по-

стоянный, пусть и небольшой, ручеёк.

— Может, уже, — сказал он.

— Значит, началось. — Она кивнула. — И ещё одно, — добавила она, доставая другой лист, — в апреле 2022 года будет солнечное затмение в Тельце. Оно ляжет прямо на куспид вашего второго дома. Затмения — это точки перехода, иногда резкого. Что-то изменится в финансовой теме. Я не знаю, что именно, это карта не говорит. Но говорит изменится.

Алексей смотрел на отметку на листе. Апрель 2022-го. Три года.

— Мне стоит готовиться?

— Вам стоит просто знать, — сказала Вера Николаевна. — Готовиться в вашем случае — это значит когда придёт возможность, не отвергать её только потому что она непривычна. Пустой второй дом склонен игнорировать денежные предложения, потому что они просто не попадают в фокус внимания. Попробуйте замечать.

Она встала, давая понять, что время заканчивается. Алексей тоже встал. Взял со стола карту, посмотрел на неё ещё

раз — на пустой сектор, на Меркурий в десятом, на весь этот чертёж, якобы описывающий его жизнь.

— Можно её забрать?

— Конечно. Она ваша.

Он свернул лист. Спросил, сколько должен. Заплатил. Пожал руку. Вышел в коридор.

Спускаясь по лестнице — снова поскрипывающей, снова пахнущей кошками и старым деревом, — он достал телефон. Сообщение от Марины. Ты снова взял из общего? Он открыл её и написал, Прости. Поговорим вечером. Убрал телефон.

На улице было почти жарко. Апрельское солнце в Москве всегда обманывает — воздух ещё холодный, а свет уже летний. Алексей остановился на тротуаре и посмотрел вверх, небо было чистым, без единого облака, голубым с той насыщенностью, которая бывает только в середине апреля, когда зима уже ушла, а пыль ещё не поднялась.

Где-то там, в этом голубом, двигался Меркурий. Быстрый, ближайший к Солнцу, делающий оборот за восемьдесят восемь земных дней. Посланник, переводчик, переносчик слов между мирами. Алексей знал теперь, что в момент его рож-

дения эта планета стояла в доме карьеры, рядом с Солнцем, — и что именно это, по мнению астрологии, объясняло что-то существенное в его устройстве.

Он не знал, верить ли в это.

Но что-то внутри — не планета, не дом, а что-то более простое — сказало ну, допустим.

Он пошёл на метро. Карта лежала во внутреннем кармане пиджака, сложенная пополам.

Второй дом был пустым.

И это, наверное, что-то значило.

Дома Марина ждала его на кухне. Она не сидела в демонстративной позе ожидания — просто готовила, помешивала что-то в кастрюле, и только по напряжению в спине было понятно, что разговор будет.

Алексей снял пальто, прошёл, сел к столу. Пахло луком и лавровым листом.

— Я взял, — сказал он. — На курсы Антону. Там была скидка только до понедельника, ты была на работе, я не успел

спросить. Прости.

Она не обернулась сразу. Помешала ещё раз.

— Это не в том деньги вопрос, — сказала наконец.

— Я знаю.

— Не в том. — Она повернулась. — Лёш, мы копим три года. Три года. Ты знаешь, что там лежит и зачем. И ты просто берёшь.

— Антон хотел на эти курсы.

— Антон хотел! А ты подумал, как это работает? Ты подумал — мой сын хочет, значит, деньги должны появиться? Они не появляются сами. Их кто-то откладывает. Я откладываю. По три тысячи в месяц. По пять, если могу.

Алексей молчал. Он хотел сказать, но курсы действительно важны, Антон давно просил, это хорошие курсы по программированию, они дадут ему навык на всю жизнь. Он хотел сказать это, но понимал, что это будет не ответ на то, о чём говорит Марина.

— Я вечером переведу обратно, — сказал он. — У меня

сейчас за статью должны заплатить.

— Должны. — Она кивнула. — Должны. Заплатят, ты переведёшь. Но через месяц опять что-то случится. Через два месяца снова. Лёша, это же паттерн. Это двадцать лет паттерн.

— Я был сегодня у астролога, — сказал он.

Пауза.

— Что?

— Наташа порекомендовала. Я сходил.

Марина смотрела на него секунду, потом отвернулась к плите. Выключила огонь.

— И что?

— Она сказала, что у меня пустой второй дом. Это — в натальной карте. Означает, что у меня нет врождённой фиксации на деньгах. Нет внутреннего мотива копить.

— Лёша, — очень тихо сказала Марина.

— Я не говорю, что это оправдание. Я просто рассказываю, что было.

— Ты потратил деньги на то, чтобы тебе объяснили, почему у тебя нет денег?

— Нет. Я потратил... — Он остановился. — Ну да. В общем-то, так.

Марина вдруг засмеялась. Коротко, почти невольно — то, что называют смехом сквозь слёзы, хотя слёз не было. Просто что-то не выдержало.

— Боже мой, — сказала она.

— Она сказала, что деньги всё равно приходят, — добавил он. — Через работу. Через то, что мне интересно.

— Я знаю, что через работу. Приходят. А потом уходят, — сказала Марина. — Приходят и уходят. Потому что ты их не держишь. Ни руками, ни головой. Я это знаю уже двадцать лет, Лёша. Мне для этого не нужна была карта.

Она достала тарелки, начала накрывать.

Алексей посмотрел на неё — на её руки, аккуратно рас-

кладывающие приборы, на прямую спину, на то, как она делает это привычно и без лишних слов, — и почувствовал что-то тягостное. Не вину — вину он тоже не умел чувствовать правильно, как оказалось. Что-то другое. Что-то похожее на понимание, что ты стоишь рядом с человеком, который тащит груз, а ты смотришь на это и не берёшь его в руки — не потому, что не хочешь помочь, а потому что не чувствуешь тяжести.

— Марин, — сказал он.

— Ешь, — ответила она. — Антон уже звонил, скоро придёт.

Он достал карту из кармана и положил её на стол рядом с тарелкой. Развернул. Посмотрел на пустой сектор.

Марина глянула мельком, пока несла кастрюлю.

— Что это?

— Моя натальная карта. — Он показал. — Вот тут — второй дом. Пустой. А вот тут — Меркурий, это управитель. Он в десятом доме. Карьера.

Она поставила кастрюлю. Подошла. Посмотрела на круг.

— И это всё объясняет?

— Не объясняет. Описывает.

— Разница?

— Объяснение говорит почему. Описание говорит как устроено.

Она смотрела на карту ещё секунду. Потом:

— Там нигде не написано научится думать о деньгах?

— Нет.

— Жаль.

Но в её голосе было что-то, что не было злостью. Скорее усталость человека, который долго держит что-то тяжёлое и уже знает, что так будет всегда, и принял это — не с радостью, но с чем-то близким к спокойствию.

Алексей убрал карту обратно в карман.

За окном апрельское солнце начинало клониться ниже.

Москва звенела трамваями и машинами. Где-то над городом Меркурий — быстрый, не останавливающийся, несущий слова из одного места в другое — продолжал свой оборот вокруг Солнца. Восемьдесят восемь земных дней. Следующий — снова начнётся.

Пришёл Антон — шестнадцать лет, рюкзак на одном плече, уши в наушниках. Вытащил один, спросил - Есть что ли?

— Есть, — сказала Марина.

Они сели ужинать. Антон рассказывал что-то про школу, Марина отвечала, Алексей ел и слушал. Карта лежала во внутреннем кармане, у сердца. Пустой второй дом.

Просто живите, — сказала Вера Николаевна. — И деньги придут сами. Когда нужно.

Он не знал, правда ли это. Но хотел, чтобы было правдой.

Не ради себя. Ради Марины, которая откладывала по три тысячи в месяц и молчала об этом — почти всегда молчала. Ради этого ужина. Ради Антона с наушниками на одном ухе. Ради того, чтобы то, что казалось ему устройством, не оказалось чужим грузом.

Меркурий двигался над городом. Деньги приходят через слова. Слова были его.

Пока — только слова.

Глава 2. Меркурий в детстве

8 сентября 1979, 06:15, Ленинград. Солнце в 15 градус, Девы соединяется с Меркурием. Асцендент в Деве.

Роды начались ночью и шли долго — мать потом говорила, что в какой-то момент перестала считать часы, потому что счёт потерял смысл. Было темно, был сентябрь, и за окном родильного дома на Васильевском острове стоял тот особенный ленинградский рассвет, который не столько приходит, сколько просачивается — сначала серый, потом молочный, потом, если повезёт с погодой, розоватый над крышами. В то утро повезло. Медсестра, выходившая покурить в начале седьмого, потом рассказывала, что над Невой было почти красиво.

В шесть пятнадцать Алексей закричал.

Акушерка Валентина Ивановна, немолодая, крупнорукая, принявшая к тому времени тысячи родов и сохранявшая к каждому отдельному спокойствие профессионала, подняла

его, осмотрела и сказала матери, Крикливый. Сразу заговорил. Это была шутка — стандартная её шутка для мальчиков, которые кричали громко и уверенно. Но мать запомнила. Потом, когда Алексей действительно заговорил — рано, в год и два месяца, отчётливо, словами, а не слогами — она эту фразу вспоминала.

Солнце в тот момент стояло в пятнадцати градусах Девы. Меркурий — рядом, в соединении с Солнцем, и оба они располагались на Асценденте, на самом горизонте его карты — в точке, которая в астрологии называется восходящий знак и определяет то, как человек являет себя миру, как выглядит его тело, его способ двигаться, говорить, первое впечатление, которое он производит. Меркурий на Асценденте в Деве — это, если верить карте, человек, которого с первой минуты жизни определяет слово. Не молчание, не жест, не взгляд — именно слово.

Он не помнил себя молчащим. Это не значит, что молчания не было — в детстве оно есть у всех, в промежутках между словами, в том тихом пространстве, куда ребёнок уходит один на один с чем-то, что ещё не стало языком. Но память сохранила другое слова. Их было много, и они появлялись рано — не как усилие, а как естественная функция, как дыхание.

В год и два Алексей сказал, Птица. Не птица, подражая взрослым, — а сказал, потому что увидел в окно голубя на карнизе и захотел назвать. Мать записала дату в маленький блокнот, который вела с его рождения — записывала туда всё подряд, когда впервые сел, когда пошёл, когда засмеялся, первое слово. Блокнот сохранился. Алексей нашёл его уже взрослым, перебирая вещи после переезда матери, и долго сидел над этими записями — аккуратным материнским почерком, шариковой ручкой синего цвета.

Птица — первое слово.

Квартира, в которой он рос, была двухкомнатной, на четвёртом этаже дома на Петроградской стороне, с окнами в тихий двор. Такие дворы в Ленинграде называли колодцами — прямоугольные, закрытые со всех сторон, с запахом кошек и прошлого года, с вечно подтопленным подвалом и кривой детской площадкой в центре. Летом в этом дворе росло одно дерево — кажется, тополь, — и Алексей каждую весну следил, когда оно начнёт пускать листья. Это было важно. Он тогда не знал ещё почему, но это было важно.

Отец работал инженером на каком-то заводе — Алексей так и не понял до конца, на каком именно и чем конкретно занимался, потому что отец не рассказывал подробностей, а сам он не спрашивал. Завод был просто заводом, уходить

нужно было в семь тридцать, приходить в шесть, и по вечерам отец читал. Читал много — преимущественно научную фантастику, Стругацких особенно, Лема. Но по воскресеньям читал вслух — это была традиция, установившаяся ещё до рождения Алексея и поэтому казавшаяся такой же естественной, как завтрак. Садились в гостиной, отец брал книгу.

Алексей помнил Капитанскую дочку. Помнил, как отец читал медленно, выговаривая каждое слово, и в каком-то месте — там, где Пугачёв говорит что-то Гринёву — Алексей почувствовал, что у него перехватывает горло. Не потому, что страшно, а потому что что-то в словах было таким точным, что тело реагировало само. Он ничего не сказал тогда. Но запомнил.

Мать была учительницей русского языка и литературы в школе через квартал. Учительницей хорошей — Алексей знал это по тому, как к ней относились в магазинах, как здоровались на улице бывшие ученики, иногда уже взрослые, с детьми. Она была строгой дома и, говорили, строгой в классе, но без той мёртвой строгости, которая отбивает всякое желание учиться. Просто — требовательной. К словам особенно. Не „ложить", а „класть", — это было первое, что Алексей запомнил из её педагогических замечаний, хотя ему было тогда четыре года.

Деньги в доме не обсуждались. Это Алексей понял уже потом, ретроспективно — когда стал взрослым и научился замечать, о чём разговаривают семьи за столом. В его семье за столом разговаривали о книгах, о том, что происходит в мире, о Блокаде — бабушка по материнской линии жила в Ленинграде во время осады и иногда рассказывала, хотя и редко, — о музыке, о природе. Деньги не были темой. Они были фоном, условием, как вода или электричество.

Жили скромно — Алексей понимал это уже в школьные годы, когда начал замечать разницу между тем, что есть у него, и тем, что есть у одноклассников. Но скромно в его доме не было синонимом бедно. Это было скромно в смысле, без лишнего. Игрушек покупали мало. Зато книг — много. Мать привозила их из командировок, отец доставал у знакомых через систему обменов и знакомств, которая в советские годы была единственным способом иметь дефицитные издания. Полка с книгами в детской росла — Алексей следил за ней примерно с тем же вниманием, с каким следил за тополем во дворе.

Он не помнил, чтобы хотел чего-то дорогого. В классе некоторые мальчишки ходили с хоккейной формой, говорили про кроссовки Адидас, чьи-то родители привезли из Финляндии. Алексей слушал и не ощущал того, что должно было

бы ощущаться зависти, желания, укола несправедливости. Ему было просто неинтересно.

Пустой второй дом — это, объяснила бы Вера Николаевна, если бы Алексей спросил тогда, в детстве, — не значит бедность духа. Это значит просто внимание направлено в другую сторону. Как антенна, которая настроена на другую волну.

Его волна была — знание.

Бабушка Нина Яковлевна, мать отца, жила отдельно, на Обводном канале, и приходила по средам. Маленькая, сухая, с цепким взглядом из-под круглых очков, она была совершенно другим существом, нежели мать, — менее книжным, более земным, более укоренённым в вещественном мире. Она знала, как называется каждое растение в сквере, умела определять погоду по облакам, знала птиц — не из книги, а лично, по голосу.

Летом, когда Алексея отвозили к ней на дачу в Токсово, они вставали рано и шли гулять вдоль железнодорожного откоса, где бабушка показывала ему, вот это — иван-да-марья, вот — пижма, вот — кипрей, иначе называемый иван-чай. Показывала и называла. Запоминай. Это важно.

— Зачем запоминать?

— Потому что безымянная вещь — это как потерянная вещь, — отвечала она.

Алексей думал об этом потом много раз. В профессии, которую выбрал, это оказалось одним из ключевых убеждений, назвать точно — значит увидеть. Слово не просто обозначает — оно фиксирует, удерживает, делает вещь или явление присутствующим. Без слова — нет присутствия.

Бабушка была неграмотной в формальном смысле, школу не закончила, в войну стало не до неё. Но знала столько, что Алексей в детстве не понимал, как можно знать столько, не читая книг. Потом понял она читала мир. Просто другим способом.

Грибы, звёзды, облака — всё это было у неё в голове как систематизированный каталог, без карточек и полок, просто как часть того, чем она дышала. Вон та звезда — Полярная, по ней всегда найдёшь север. Если берёза листья рано сбросила, зима ранняя будет. Кукушка кукует — считай лета.

Алексей считал. Четыре. Пять. Шесть.

— Шесть лет осталось, — говорил он серьёзно.

— Куда осталось? — смеялась бабушка.

— Жить.

— Глупый кукушка ничего не знает, — говорила она, но не строго. — Просто кричит.

Он думал об этом потом как легко принимаешь в детстве любую систему интерпретации мира. Кукушка знает. Берёза знает. Звёзды говорят. Потом взрослеешь и начинаешь сомневаться. А потом, возможно, сидишь в кабинете у астролога и снова — на каком-то уровне — хочешь, чтобы планеты тоже знали.

В семь лет он пошёл в школу. Школа была районная, близко от дома, ничем не примечательная — обычная советская школа с деревянными партами, запахом мела и краски, учительницей начальных классов Зоей Михайловной, которая носила большие очки в пластмассовой оправе и говорила всегда очень чётко, по слогам, как будто её слушают глухие.

Читать Алексей уже умел — мать научила в четыре года. Считать тоже. Поэтому первый класс был лёгким — в смысле не трудным. Зоя Михайловна объясняла алфавит, он сидел и слушал, иногда читая что-нибудь под партой. Один раз

поймали. Зоя Михайловна не разозлилась — просто сказала -После урока останешься — и после урока спросила тихо - что читаешь? Он показал, Носов, Приключения Незнайки. Дочитал? — Нет. — Дочитай дома. На уроке — учебник.

Это был контракт. Негласный. Он соблюдал.

Учился легко и с удовольствием — предметы, которые были связаны с языком, с историей, с наблюдением. Труднее давались арифметика в той её части, где нужна была точность без смысла знаешь, что дважды два четыре, но почему это важно — непонятно. Мать объясняла -Ты будешь в магазине, тебе дадут сдачу — надо же проверить. Алексей кивал и думал, в магазине кассирша сама считает, зачем мне.

На уроках труда он скучал. Это была правда, которую он потом вспоминал уже взрослым и про которую немного стыдился — потому что ручной труд казался правильным, достойным занятием, а скука казалась проявлением какой-то барской неприспособленности. Но скучал честно когда нужно было строгать деревянную дощечку, склеивать что-то из картона, шить мешочек — время замедлялось, руки делали своё, а голова уходила куда-то в сторону, начиная разматывать какую-нибудь историю или переформулировать задачу, которую видел раньше на доске.

Однажды Зоя Михайловна спросила класс — это было на каком-то торжественном уроке, что ли, ближе к зимним каникулам -Кем вы хотите стать?

Мальчики говорили, космонавт, лётчик, футболист. Девочки, учительница, врач, балерина. Алексей сидел и думал. Когда дошло до него, сказал без колебаний:

— Писателем.

Пауза была небольшой, но он её заметил.

— Писателем? — Зоя Михайловна посмотрела на него поверх очков. — Это... интересно. А зачем?

— Чтобы рассказывать, — сказал он.

— О чём рассказывать?

Он подумал.

— Обо всём. Что вижу. Что интересно.

— А это прибыльно? — спросила Зоя Михайловна — не насмешливо, искренне, видимо решив, что мальчику семи лет — это важно объяснить.

Он пожал плечами. Это было честным ответом он не знал и, главное, не понимал, почему это должно быть важным вопросом. Писатель — это человек, который пишет. Деньги — это что-то, что есть в кошельке у родителей. Связь между первым и вторым не была для него очевидной.

Зоя Михайловна сказала что-то нейтральное — вроде посмотрим — и перешла к следующему ученику.

Соседский мальчик Дима Котов, с которым Алексей дружил с пяти лет, был другим. Дима собирал монеты. Это было серьёзным делом, у него имелась специальная папка с прозрачными файлами, куда монеты укладывались по годам и странам. Он знал, что советская копейка 1961 года стоит дороже, чем 1975-го, что некоторые юбилейные рубли выпущены ограниченным тиражом и потому ценятся коллекционерами. У него было несколько монет в маленьких пластиковых защитных капсулах — он их не трогал, только рассматривал.

Алексей ходил к нему в гости и смотрел на коллекцию с вежливым вниманием — примерно с тем же, с каким смотрят на чужое увлечение, когда уважаешь человека, но сам к этому совершенно равнодушен. Монеты были круглые, иногда красивые, с орлами или гербами, — но это была красота

предмета, не красота смысла. Алексею было интереснее, что написано на обороте, какое число, какой год.

— А помнишь, в каком году это было? — спрашивал он.

— В 58-м, — отвечал Дима.

— Что было в 58-м?

Дима смотрел на него с удивлением причём тут что было? Важно, что монета 58-го.

Это было честное непонимание с обеих сторон. Дима видел в монете предмет со стоимостью, редкостью, местом в системе. Алексей видел в монете дату — дверь в историю, которая его интересовала.

Они дружили всё детство тем не менее. Мальчики иногда дружат именно потому, что они разные.

Лет в восемь он начал писать сам. Не потому что кто-то сказал пиши. Просто в какой-то момент оказалось, что внутри накопилось слишком много слов, которые некуда деть. Разговор был одним способом, но в разговоре слова исчезали — сказал и нет, никто не помнит, ты сам уже не уверен, правильно ли сказал. А написанное оставалось.

Первый текст — это слово он применял к нему уже потом, взрослым, смеясь, — был в тетради в клеточку. Назывался Кот. Речь шла о дворовом рыжем коте по имени неизвестно как, которого все во дворе кормили, который жил в подвале и выходил утром греться на солнце. Алексей описал, как кот сидит на бордюре. Как щурится. Как его шерсть выглядит в разном свете. Как он вдруг встаёт и уходит — медленно, с достоинством, которое не объяснишь, просто видишь и понимаешь вот кто никому ничего не должен.

Это было страниц пять. Рукой, аккуратно. Он дал читать матери. Она прочитала молча, потом подняла голову:

— Ты написал золочёная. Это слово означает покрытая золотом. Ты это имел в виду?

— Нет, — сказал он. — Я имел в виду, что она как золото — цветом.

— Тогда напиши золотистая.

Он переписал. Мать перечитала.

— Хорошо, — сказала она. Просто хорошо. Без восторга. Но и без снисхождения. Именно так, как если бы это было

нормально — написать про кота и написать точно.

Он спрятал тетрадь в ящик стола. Потом написал ещё. Про двор после дождя. Про трамвай, на котором они с отцом ехали к Неве. Про то, как бабушка называет грибы по именам.

В третьем классе появился Виктор Сергеевич — учитель истории, молодой, лет тридцати, с бородой и привычкой говорить быстро, как будто он уже опаздывает к следующей теме. Он вёл историю у старших классов, но иногда заходил к младшим — в библиотеку, где была кружковая работа по краеведению. Алексей пришёл на первое занятие случайно просто зашёл вслед за соседом по парте, которому сказали принести что-то в библиотеку.

Виктор Сергеевич говорил про Ленинград — про его историю, про дома, улицы, про людей, которые жили здесь до них. Говорил так, как будто это всё было живым, происходящим, а не случившимся и закончившимся. Вот этот дом на Зверинской — видели такой? Там в 1905 году собрание рабочих, там кто-то прятался, там потом жил поэт, которого никто теперь не помнит. А он жил.

Алексей остался на следующее занятие. И на следующее.

— Почему ты ходишь? — спросил его Дима. — Там же скучно.

— Нет, — сказал Алексей. — Там интересно.

Он не умел объяснить точнее. Там было интересно потому, что Виктор Сергеевич делал то же самое, что бабушка делала с растениями и птицами, называл вещи. Давал им имена, возвращал им присутствие. Безымянная история — это не история, это просто время.

Примерно тогда же он прочитал Паустовского. Золотую розу — книгу о писательстве, о том, как слова и жизнь переплавляются друг в друга. Ему было девять. Он прочитал её два раза подряд — второй раз медленнее, останавливаясь на фразах, которые хотелось запомнить.

Каждая минута, каждое случайно брошенное слово и взгляд, каждая глубокая или шутливая мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже — всё это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою „золотую розу" — повесть, роман или поэму.

Он переписал этот отрывок в тетрадь. Почерком уже почти устоявшимся, мелким, правым. Перечитал. И подумал, вот это — то, что я хочу делать.

Не стать писателем. Это — делать. Собирать пыль. Переплавлять.

К деньгам он в детстве относился как к погоде, они были или не были, это влияло на то, что доступно, но не определяло настроения. В начальных классах на карманные расходы давали по пятнадцать копеек в день — на пирожок в столовой. Иногда он пирожок покупал, иногда нет. Иногда копил несколько дней и покупал мороженое Каштан — за двадцать две копейки. Это было стратегическим решением, но не финансовым, просто мороженое нравилось больше пирожка.

В пятом классе одноклассник Генка Фролов принёс в школу японский автобус — игрушечный, пластмассовый, с открывающимися дверями и маленькими пассажирами внутри. Вещь была очевидно дефицитной, явно привезённой из-за границы, и половина класса ходила смотреть на неё на переменах. Алексей тоже посмотрел. Автобус был красивый. Но красота эта была красотой предмета — Алексей не чувствовал желания владеть, только любопытство как устроено, как сделано, откуда такие.

Хочешь? — спросил Генка с той интонацией, с которой дети иногда предлагают взаймы вещь, которая им самим очень нужна, — проверяя.

Нет, спасибо, — сказал Алексей.

Генка удивился. Потом пожал плечами.

Это нет, спасибо — не демонстративное, не из принципа, а просто настоящее — Алексей потом встречал в себе много раз. В студенчестве, когда можно было идти торговать чем-нибудь и заработать, — не шёл. В редакции, когда предлагали выгодный заказ на рекламный текст, — отказывался. Не из-за гордости. Из-за отсутствия импульса. Деньги сами по себе не были импульсом.

Лет в одиннадцать мать дала ему почитать Чехова. Студент — маленький рассказ, страницы три. Он прочитал, не очень понял, в чём суть. Мать спросила -Что понял?

Что всё связано, — сказал он после паузы.

Мать посмотрела на него.

Да, — сказала она. — Всё связано.

Это было одно из немногих прямых подтверждений в его детстве — не похвала, но что-то более точное признание, что он сказал правильное слово.

Отец в это время читал ему по воскресеньям уже не Пушкина — Пушкин был для совсем маленьких, теперь был Гоголь. Вечера на хуторе, потом Нос, потом — неожиданно — Мёртвые души, хотя это, наверное, было рановато. Алексей слушал и смотрел, как отец читает, он делал это с удовольствием, иногда сам смеялся в смешных местах, иногда читал медленнее там, где текст давил. Это тоже было уроком что читать можно медленно, что торопиться не нужно.

Меркурий в Деве — это, по астрологической логике, внимание к деталям, точность, аналитика, способность разбирать целое на части. Меркурий в соединении с Солнцем в десятом доме — это самовыражение через слово, публичность мышления. Асцендент в Деве — тело и манера поведения, сдержанные, внимательные, наблюдающие.

Всё это складывалось в ребёнка, который рано замолкал в компании, зато долго мог слушать. Который в играх предпочитал быть рассказчиком — когда в дворовых играх требовался ведущий, который объясняет правила, он охотно брал эту роль. Не из желания командовать. Из желания говорить точно.

В двенадцать лет отец принёс домой сломанный пишущий механизм от пишущей машинки. Не саму машинку — просто механизм, без корпуса. Поставил на стол в качестве, видимо, какой-то технической диковинки. Алексей долго рассматривал его, нажимал на рычажки, смотрел, как они поднимаются и опускаются. Потом спросил:

— А печатать можно научиться?

Отец удивился:

— Зачем тебе?

— Ну, — сказал Алексей, — чтобы быстрее.

Отец усмехнулся, но достал откуда-то старый советский учебник по машинописи, предназначенный, видимо, для секретарш. Алексей прочитал его с той же серьёзностью, с которой читал Золотую розу. Десятипальцевый метод. Расположение клавиш. Стандартный формат страницы.

Машинки в доме не было. Но пальцы начали запоминать схему на столе — он стучал по столешнице, воображая клавиши. Мать смотрела на это и молчала.

Через два года в школе появился кабинет с машинками — для будущих секретарей, для факультативных занятий. Алексей записался. Учительница была удивлена мальчики на машинопись не записывались. Он объяснил, что хочет уметь. Она пожала плечами и сказала иди.

К концу года он печатал сорок знаков в минуту.

В детстве не было ни одного момента, когда он подумал -Я хочу быть богатым. Это не значит, что он был каким-то особенно духовно возвышенным ребёнком. Просто — не было этого желания. Как у некоторых людей нет слуха. они слышат звуки, но не слышат музыку. У него было устроено похожим образом с деньгами он понимал, что они существуют и нужны, но не слышал их как зов.

Зато был другой зов.

Он обнаружил его примерно в тринадцать лет, когда написал первый текст, который уже можно было назвать статьёй — не рассказом, не заметкой в тетради, а именно статьёй. Это был разбор книги, которую они читали на уроке литературы, Тургенев, Отцы и дети. Учительница задала сочинение на тему Базаров и его время. Алексей написал что-то другое не пересказ и не анализ в привычном смысле, а попытку понять, почему Базаров так держится за нигилизм,

что именно его к нему привело, в чём его страх. Что скрывается за отрицанием.

Учительница — уже другая, не Зоя Михайловна, это был восьмой класс — прочитала и оставила пометку, Не по теме. Но интересно.

Не по теме. Но интересно — это было точнее любой пятёрки.

Он понял тогда что-то важное его интерес — это не пересказ, не воспроизведение, не выполнение задания. Его интерес — это вопрос. Настоящий вопрос, который ещё не имеет ответа. Именно в этом зазоре — между вопросом и возможным ответом — рождалось что-то живое. Туда хотелось идти.

Меркурий в десятом доме, управитель второго, несущий всё, что будет заработано в жизни, — уже в детстве намечал путь. Не деньги как цель, а слово как способ присутствия в мире. Деньги придут через слово, потому что слово — это единственное, что у него было по-настоящему много.

Во дворе тополь снова выпустил листья. Алексей смотрел на него из окна, считая, сколько дней прошло с начала апреля до первого листа. Это тоже было знанием — маленьким,

домашним, принадлежащим только ему.

Он записал дату в тетрадь.

Глава 3. Университет и пустой кошелёк

1 сентября 1997, 10:00, Москва. Солнце в 8 градус Девы, Сатурн в 15градус Овна квадрат к натальному Солнцу.

Комната была восемь квадратных метров, если мерить шагами — четыре на два, плюс угол, который занимал шкаф. Шкаф не закрывался, нижняя петля была сломана, и дверца стояла вечно приоткрытой, под углом в тридцать градусов, как рот человека, который хочет что-то сказать и не решается. Окно выходило в узкий колодец двора, и в солнечные дни свет проникал туда только около полудня, ненадолго, — бледный, отражённый от противоположной стены луч, похожий скорее на воспоминание о свете, чем на него самого.

Алексей приехал в Москву двадцать пятого августа, за неделю до первого сентября, с двумя сумками, одна с одеждой, другая с книгами. Книг было двенадцать штук. Одежды — три смены. Мать, провожая его на Ленинградском вокзале, держала лицо спокойно, только в момент, когда поезд уже тронулся, сжала его руку сильнее, чем нужно, и отпустила. Он смотрел в окно на платформу, пока она не скрылась, и

думал о том, что Москва — это не Ленинград. Не Петербург, который к тому времени уже назывался правильно. Москва — это что-то другое. Что именно — он ещё не знал.

Комнату он нашёл через объявление в газете. Коммуналка на Таганке, пять комнат, общая кухня и ванная с бойлером, который надо было включать за полчаса до того, как захочешь помыться, иначе вода будет холодной. Хозяйкой была Нина Евгеньевна — семьдесят два года, бывший работник библиотеки, небольшая, сухая, в неизменном халате серо-голубого цвета. Она сдавала комнату студентам уже больше десяти лет и смотрела на них с привычным терпением — как на явление природы, которое приходит и уходит по сезонам.

— Тихо будете? — спросила она, когда они договаривались.

— Тихо, — ответил Алексей.

— Приходили одни тихие, — сказала она. — Значит, всё равно живите. Платите первого, без задержек.

Аренда была сто двадцать рублей в месяц. Стипендия на журфаке — восемьдесят три. Разница покрывалась родителями, ежемесячным переводом на сберкнижку — ещё пять-

десят рублей, иногда семьдесят, смотря как у отца шло с зарплатой. Получалось двести, иногда чуть больше. После аренды оставалось примерно семьдесят-восемьдесят рублей на месяц. Это было мало даже по меркам 1997 года, когда рубль ещё не упал окончательно, но уже качался.

Он не думал об этом арифметически. Цифры существовали где-то на периферии, как шум трамвая за окном — есть, слышно, но не требует реакции. Пустой второй дом не производит внутреннего давления в сторону денег, не создаёт постоянного фонового тревожного счётчика, который у многих людей работает круглосуточно сколько есть, сколько уйдёт, сколько останется. У Алексея этого счётчика не было. Деньги просто кончались — и тогда он понимал, что их нет. До этого момента — не думал.

Москва в первые дни оглушала. Он шёл от метро Таганская до МГУ на Воробьёвых горах на первое собрание курса, час пешком, потому что не хотел тратить на метро. Улицы были широкими, машины — многолюдными даже для утра, всё казалось чуть крупнее нормального здания, потоки людей, объявления, ларьки с одинаковыми витринами. Он шёл и смотрел. Меркурий в Деве — это наблюдательность, внимание к деталям, привычка замечать то, что другие скользят взглядом. Он видел лица в метро, читал вывески, слушал обрывки разговоров. Город собирался в его голове постепенно,

как текст из разрозненных фрагментов.

Журфак МГУ встретил его коридорами, гулкими и длинными, запахом старых книг и плохо проветренных аудиторий. На стенах висели фотографии известные журналисты, выпускники, редакционные летучки давних десятилетий. Люди с диктофонами и блокнотами, люди у печатных машинок, люди в чёрно-белых редакциях. Алексей остановился перед одной фотографией — мужчина в плаще, снятый где-то на улице незнакомого города, лицо сосредоточенное, рука с блокнотом. Подпись внизу, Специальный корреспондент, 1968. Год и имя только. Он простоял перед ней дольше, чем следовало.

На первом курсе их было около ста человек. Разные москвичи, как правило уверенные в себе, с рюкзаками хорошими и телефонами, которые тогда ещё были редкостью и поэтому предметом известного социального сигнала. Приезжие — такие как Алексей — держались чуть осторожнее первые дни, ощупывали пространство. Была Наташа из Воронежа, Костя из Омска, Лена из Минска, приехавшая по обмену. И Марина — москвичка, в клетчатой юбке и с длинными тёмными волосами, которая на первой же лекции по истории журналистики задала вопрос такой, что преподаватель замолчал на секунду, прежде чем ответить. Алексей заметил её. Не сразу заговорил — только через три недели, случайно, в библио-

теке, когда тянулся за той же книгой, что и она.

Деньги кончились к шестнадцатому сентября. Остался ровно один рубль сорок копеек.

Он стоял у автомата с газированной водой — вода стоила тридцать копеек без сиропа, пятьдесят с сиропом — и думал, что следующий перевод от родителей будет первого октября, то есть через две недели. Это было конкретно, ощутимо две недели с рублём сорока. Вот тут, в этот момент, что-то материальное дошло до него как реальность, а не как абстрактная арифметика.

Он не запаниковал. Пустой второй дом не производит паники по поводу денег — он производит нечто более странное любопытство. Алексей посмотрел на монеты в ладони и почувствовал что-то похожее на академический интерес к собственной ситуации. Вот задача. Две недели. Один рубль сорок. Что можно сделать?

Прежде всего он пересчитал то, что у него есть. Чай в пачке — хватит на неделю, если экономно. Половина банки кофе. Макароны — граммов четыреста. Хлеб — полбуханки. В кармане старого пальто обнаружилась трёхрублёвая монета, о которой он забыл. Итого четыре рубля сорок. Это уже лучше.

В столовой МГУ, если брать только первое и хлеб, выходило рубля полтора. Если только хлеб с маслом и чай — копеек семьдесят. Можно было один раз в день есть нормально, а второй раз обходиться тем, что в комнате.

Он прожил так две недели. Это не было страданием — это было задачей на изобретательность, которую он решал с тем же интересом, с каким решал на журфаке задания по репортажу. В эти две недели он написал свои первые три материала для студенческой газеты Журналист — бесплатно, никто не просил, просто принёс в редакцию. Взял интервью у старушки, торговавшей цветами у метро Новокузнецкая, — она рассказала ему три истории за полчаса, каждая из которых стоила отдельного текста. Потом написал зарисовку о вахтёре университетской библиотеки, который работал здесь сорок лет и помнил студентов ещё советской эпохи. Редактор газеты, второкурсник Дима с тонкими усами, прочитал, сказал неплохо и опубликовал два из трёх.

Первого октября деньги пришли. Он пошёл в магазин, купил нормальной еды, вернулся домой и сделал себе яичницу с колбасой. Съел, посмотрел в окно на серый колодец двора. Удовлетворение было непропорционально яичнице.

К ноябрю Алексей понял, что Москва устроена иначе, чем

он думал.

Не в смысле географии или архитектуры. В смысле скорости. Петербург — при всём его движении — был городом, который помнил. Москва ничего не помнила она только двигалась вперёд, на следующий день, на следующую сделку, на следующий проект. Люди в метро читали газеты не задумчиво, а как будто потребляя информацию, — быстро, по диагонали, выхватывая нужное. На улицах говорили о деньгах часто — куда пойти работать, сколько платят, где можно подзаработать. Это был 1997 год страна ещё не оправилась от перехода, рынок был диким и непредсказуемым, деньги то появлялись неожиданно, то исчезали так же. Все, кто мог, искали возможности.

Однокурсники не были исключением. Игорь — рослый, практичный, из Ростова — нашёл работу промоутером, стоял у входа в торговый центр и предлагал людям попробовать йогурт. Платили по тридцать рублей за смену. Он работал три смены в неделю и к концу месяца имел почти столько же, сколько стипендия. Наташа устроилась официанткой в пиццерию на Ленинском — по пятницам и субботам, чаевые иногда были приличными.

— Лёш, пойдём с нами листовки раздавать, — предложил Игорь однажды в ноябре. Они стояли в очереди на обед в

столовой. — Два часа, двадцать рублей. Тебе разве лишние не нужны?

Алексей думал об этом секунды три.

— Не нужны, — ответил он.

— Ты что, деньги не любишь?

— Я просто лучше эти два часа потрачу иначе.

— На что?

— На статью.

Игорь смотрел на него с видом человека, который слышит что-то на иностранном языке слова понятны по отдельности, но смысл ускользает. Потом пожал плечами -Твоё дело.

Это был не принцип и не позиция. Алексей не отказывался от заработка из гордости или из убеждения, что творческий человек выше коммерции. Просто листовки не вмещались в его восприятие как реальная возможность. Как будто предложили провести вечер, перекладывая камни с места на место — не тяжело, не вредно, но зачем? Он мог написать за эти два часа текст. Написать текст было конкретным и по-

нятным, а двадцать рублей — абстракцией, которая не тянула к себе.

Сатурн делал квадрат к его натальному Солнцу. Это планетарный транзит, который астрологи называют одним из самых требовательных, Сатурн — планета ограничений, структуры, реальности — бросает вызов солнечному принципу личности, заставляя её столкнуться с собственными пределами. Кризис взросления. Первое настоящее столкновение с тем, что жизнь — не только возможности, но и рамки.

Но Сатурн квадратил его Солнце в Деве — и кризис поэтому был не денежным, а идентификационным. Он не спрашивал себя как выжить финансово?. Он спрашивал -кто я? Что значит быть журналистом? Зачем вообще писать, если написанное исчезает — в газете, в архиве, в чужой памяти, которая тоже ненадёжна?

Эти вопросы приходили по ночам — когда лежишь в восьмиметровой комнате и слушаешь, как за стеной у Нины Евгеньевны бормочет телевизор, и думаешь о том, что сделал за день и сделал ли что-то настоящее.

В декабре он написал репортаж о ночлежке на окраине — поехал туда сам, без задания, без редакционного мандата,

просто с блокнотом и студенческим удостоверением, которое по счастью выглядело достаточно официально. Провёл там три часа. Говорил с людьми. Слушал. Записывал. Один мужчина, бывший инженер с Урала, рассказал ему, как потерял квартиру в 1993-м — цепочка событий, каждое из которых по отдельности казалось случайным, но вместе складывалось в нечто неотвратимое. Алексей слушал и записывал, и чувствовал то, для чего у него тогда ещё не было точного слова что чужая история, услышанная и записанная правильно, становится чем-то большим, чем просто история. Она становится свидетельством.

Репортаж он принёс в Журналист. Дима прочитал дольше обычного.

— Тяжёлый, — сказал он.

— Да.

— Опубликуем. Но редактор попросит убрать третий абзац — там слишком.

— Слишком что?

— Слишком прямо. Читатель должен сам дойти.

Алексей спорил полчаса. Убрали второй абзац, третий оставили. Компромисс. Первый редакторский урок, текст — это не только то, что ты написал, но и то, что выдержит другой человек.

Зима в восьмиметровой комнате была особенной. Отопление в коммуналке работало нестабильно с утра тепло, к ночи батареи едва тёплые. Алексей спал в свитере. Нина Евгеньевна иногда стучала к нему в дверь вечером и приносила чай — просто так, без объяснений, ставила кружку и уходила. Он думал, что это, наверное, была её форма заботы о студентах, которых она видела уже второй десяток.

Он читал по ночам. Университетская библиотека давала книги на дом, если оставить залог — десять рублей, которые возвращались при сдаче. Он брал по три книги, читал, возвращал, брал следующие. Капущинський, Оруэлл, Герман Вук, Горький — не школьный, а другой, из толстых томов, которые в школе не проходили. Нон-фикшн Стадс Теркел о рабочей Америке, Джон Рид о революции. Читал и думал о том, как это написано — какими словами, с какого угла, почему именно так расставлены акценты.

Сатурн в квадрате к Солнцу создаёт ощущение, которое сложно описать, если никогда не переживал будто тебя со всех сторон поджимают стены, не жёсткие, но настойчивые.

Давление реальности. Ощущение, что ты должен стать кем-то конкретным — не абстрактным журналистом, а определённым человеком с определённым взглядом, определённым методом, определённым ответом на вопрос зачем ты пишешь?. И этот ответ у него не был готов.

В феврале на лекции по теории журналистики преподаватель Иван Семёнович Крылов — маленький, лысый, в очках с толстыми стёклами, который, по слухам, работал в Известиях ещё в семидесятых — сказал что-то, что Алексей записал в блокнот и потом перечитывал несколько раз.

— Журналист, — сказал Крылов, — это профессия свидетеля. Не судьи, не адвоката, не прокурора. Свидетеля. Свидетель не решает, что произошло. Он описывает то, что видел. И главный вопрос профессии — не что написать?, а что именно я видел?.

После лекции Алексей подошёл к нему.

— А если свидетель — плохой свидетель? — спросил он. — Если он видит неточно?

Крылов посмотрел на него через толстые стёкла.

— Тогда он должен об этом знать. И тренироваться видеть

лучше.

— Как тренироваться?

— Писать. Каждый день. Не для публикации — для себя. Описывать то, что видишь. Проверять, совпадает ли написанное с увиденным. Это долго. Но другого способа нет.

Алексей начал вести дневник. Не личный — наблюдательный. Каждый день — одна страница что видел, что слышал, что показалось важным. Без оценок, без выводов. Просто описание. Это стало привычкой, которую он не бросал потом долго.

На третьем курсе его нашёл редактор.

Его звали Павел Андреевич Воронов, он был лет сорока пяти, редактировал небольшую городскую газету Московский округ — тираж пятнадцать тысяч, аудитория приличная по меркам района, но без претензий на федеральное значение. Он иногда приходил на журфак — искал студентов для внештатных материалов. Не стажёров, не практикантов — именно внештатников, которым платили за конкретный текст.

Он прочитал репортаж о ночлежке — Дима показал ему

распечатку. Позвонил через неделю на телефон-автомат в коридоре общежития, куда Алексей к тому времени переехал — там было дешевле, хотя комната была ещё меньше.

— Вы написали материал о ночлежке на Варшавке? — спросил Воронов.

— Да.

— Умеете работать быстро?

— Смотря что считать быстро.

— Репортаж за два дня.

— Смотря на какую тему.

Воронов помолчал секунду — это его явно удивило.

— Приходите. Поговорим.

Редакция Московского округа располагалась в трёхкомнатной квартире на первом этаже жилого дома у метро Коломенская. Дверь открывалась в коридор, заставленный коробками с архивами, оттуда — в большую комнату, где стояло четыре стола с компьютерами и один принтер, который,

судя по всему, был предметом постоянных переговоров о его жизни и смерти. Пахло сигаретами и кофе. На стенах — схема района, расписание номеров, несколько распечатанных фотографий с подписями. Всё это было немного похоже на штаб и немного на коммуналку.

Воронов сидел за единственным столом, стоявшим немного в стороне — редакторским, судя по наличию отдельного телефона и большей площади. Он был плотным, с сединой на висках и с манерой смотреть на собеседника чуть дольше нормы — профессиональная привычка, отличающая людей, которые привыкли оценивать источники.

— Садитесь. — Он указал на стул. — Что вы умеете?

— Репортаж. Интервью, наверное. Зарисовки. Расследований не делал — не было возможности.

— Репортаж — самое важное. Остальное приложится. — Он открыл папку, достал распечатку. — Вот ваш текст. Хорошо. Не идеально, но хорошо. Вот тут, — он указал карандашом, — вы уходите в собственную оценку. Это была несправедливость — это не репортажная фраза. Это фраза колумниста. Репортёр показывает, читатель оценивает.

— Я понимаю.

— Понимаете или соглашаетесь?

— Понимаю, — сказал Алексей. — Хотя внутри не согласен. Это была несправедливость.

— Может быть, — сказал Воронов. — Но ваше внутри не выходит в текст. Договорились?

— Договорились.

— Тысяча рублей за материал. Платим по факту публикации. Бывает, что отклоняем — платим половину за труд. Вас это устраивает?

Тысяча рублей за материал — это было больше половины его стипендии. Алексей думал об этом секунду и понял, что думает не о деньгах, а о том, что будет публиковаться в настоящей газете. С подписью. С конкретным адресом, куда пойдёт газета, и конкретными людьми, которые её прочтут.

— Устраивает, — сказал он.

Первый материал он написал за полтора дня. Репортаж о рынке у метро Варшавская, торговцы из Азербайджана, из Молдавии, из Китая — небольшой вавилон, существую-

щий в двухстах метрах от жилых домов, почти невидимый для людей, которые ходят мимо каждый день. Он провёл там утро и часть дня, разговаривал, записывал, вернулся домой и написал до двух ночи.

Воронов прочитал, вернул с правками, восемь пометок карандашом, три из которых были вопросами, а не исправлениями. Почему именно он? Почему именно этот момент? Алексей ответил на вопросы в тексте. Воронов одобрил. Материал вышел в следующую пятницу.

Гонорар он получил через неделю — наличными, в конверте. Тысяча рублей. Он шёл по улице, конверт в кармане, и думал о книге.

Капущинський Империя — он видел её в книжном магазине на Тверской ещё в сентябре, стоила восемьсот рублей, и тогда он прошёл мимо, потому что это было невозможно. Теперь было возможно.

Марина узнала об этом случайно — они тогда ещё только присматривались друг к другу, встречались иногда в библиотеке, разговаривали между парами. Он показал ей книгу — она подняла брови.

— Восемьсот рублей?

— Да.

— Лёша, у тебя первый гонорар.

— Я знаю.

— И ты купил книгу.

— Ну да.

— Джинсы носишь третий год, — заметила она. — Вон, на колене уже светится.

— Светится, — согласился он. — Но джинсы мне не нужны прямо сейчас. А книга нужна.

Марина смотрела на него с выражением, которое он тогда ещё не умел читать — позже научился. Это была смесь раздражения и чего-то похожего на нежность, соединённые в одно непростое чувство. Она покачала головой.

— Ты странный.

— Возможно.

— Дашь почитать?

— Конечно.

Он дал. Она прочитала за неделю, вернула, сказала -Тяжело. Но важно. Это был их первый настоящий разговор о книгах, затянувшийся до позднего вечера. Потом был второй. Потом третий. Книга сделала то, что никакие новые джинсы не сделали бы.

Сатурн медленно двигался по Овну, квадратя его Солнце. Это продолжалось почти два года.

Алексей писал для Воронова, писал для студенческой газеты, писал в дневник. Деньги кончались и приходили, кончались и приходили. Он не копил — тратил на книги, на записные книжки, иногда на хорошую ручку, которая пишет правильно. Нина Евгеньевна однажды спросила его -Вы вообще едите? — и он засмеялся, потому что вопрос был точным.

В марте 1999-го он написал материал, который Воронов поставил на первую полосу. Это был репортаж о судебном процессе — неприметном, районном — против мелкого чиновника, укравшего деньги из фонда помощи малоимущим. Сумма была небольшой, история — некрасивой в своей ба-

нальности обычное воровство, обычная бюрократия, обычные пострадавшие. Алексей провёл три заседания, поговорил с истцами, с адвокатом, с соседями чиновника. Написал так, чтобы цифры не заслонили лица, а лица не заслонили систему. Воронов прочитал, долго молчал.

— Вы умеете держать дистанцию и при этом не уходить в холод, — сказал он наконец.

— Это хорошо?

— Это редко.

Сатурн требует — и Сатурн признаёт. Не сразу, не щедро, но признаёт. Кризис взросления не в том, что жизнь становится труднее, а в том, что ты начинаешь понимать свою природу — не как мечту, а как факт. Факт, с которым нужно работать.

К концу третьего курса Алексей знал о себе несколько вещей. Первое он умеет слушать людей так, что они рассказывают ему больше, чем собирались. Второе он умеет из разрозненных деталей собирать целое, не теряя ни первых, ни второго. Третье деньги для него — это следствие, не цель. Не патология, не роскошь, не проблема — просто следствие. Когда он пишет хорошо, они есть. Когда пишет плохо или

не пишет вообще — их нет. Это было почти математически точным и при этом абсолютно непохожим на то, как устроены другие люди вокруг него.

Четвёртое Марина была другой. Марина умела считать. Умела планировать на три месяца вперёд, откладывать, держать в голове несколько финансовых задач одновременно. Это не было её профессией ещё — она только выбирала специализацию — но уже было частью её устройства. Они были разными в этом смысле. Он думал тогда, что разность — это хорошо. Что они дополняют друг друга.

Позже он думал об этом сложнее.

Сатурн ушёл из квадрата к маю 1999-го. Алексей не заметил этого момента — планеты не посылают телеграмм. Но что-то изменилось, давление, которое он не всегда осознавал, но которое было, — стало меньше. Не исчезло, но перешло в другое качество. Из вопроса кто я? — в утверждение, ещё неуверенное, но уже произносимое внутренне без знака вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.